

АННА КОЗЛОВА

Открытие удочки

ПАЛЬМИРА
Т8 ИЗДАТЕЛЬСКИЕ ТЕХНОЛОГИИ

Москва / Санкт-Петербург
2022

УДК 821.161.1
ББК 84(2Рос-Рус)6
К59

Козлова А.

К59 Открытие удочки : [роман] / Анна Козлова. — М. ; СПб. : «Т8 Издательские Технологии» / «Пальмира», 2022. — 232 с. — (Серия «Пальмира — коллекция»).

ISBN 978-5-517-07436-2

Анна Козлова не любит сюжеты и привязку к жанру, предпочитая неожиданное наблюдение над жизнью. Ее проза — ультрашоковая скандальная литература. Роман «Открытие удочки», впервые опубликованный в альманахе «Литрос», возмутил часть критиков «провокационностью и аморальностью», но именно за это же другая часть удостоила его восторженными рецензиями и выдвинула на соискание премии «Национальный бестселлер».

УДК 821.161.1
ББК 84(2Рос-Рус)6

ISBN 978-5-517-07436-2

© Козлова А. Ю., 2022
© Оформление.

АО «Т8 Издательские Технологии», 2022

Глава 1. Явление Маргариты

В те страшные времена, когда я выпивала четыре бутылки виски в день и сожительствовала с человеком по имени Дауд, моя сестра пришла к захлестнувшему ее сознание выводу, что единственное дело, которым отныне имеет смысл заниматься, — это проституция. В моем случае связавшая нас с Даудом пространственная пауза мотивировалась отчасти тем, что я жила в эмирате Дейра и вряд ли могла на тот момент рассматривать какие-либо иные сексуальные варианты. Как говорил мой папа, глупо запрящать своей дочери встречаться с неграми, если ты живешь на Ямайке.

Мой папа, разумеется, прервал всякие отношения со мной, узнав, что я обосновалась в Дейре, и даже теперь мне трудно винить его за это, ибо он всегда прощал мне многое, а этот мой странный, с его точки зрения, шаг, оскорблял уже не отцовские чувства, а сам разум. Часто я лежала, глядя в темноту, рядом с перегарно храпящим Даудом и думала о том, что мое прошлое — этот увядший мост, соединявший некогда душу и Бога, — отличается от прошлого миллионов других людей, пожалуй, тем, что мне не хотелось вспоминать его. По странному и неподвласт-

ному здравому смыслу стечению обстоятельств любой мой поступок, инспирированный благом (в моем, конечно, понимании), неизменно завершался во зле и кошмарном бреду. И я лежала, поставив на грудь стакан, в котором желтоглазое виски плавил лед, замороженный, как мне казалось, из моих слез; я смотрела на голого Дауда, тупо бродившего по комнате с неизвестной мне целью, и размышляла над тем, что скорее всего вернуться в первозданный прах, так и не познав земной радости, ибо блаженство обнажало клыки боли, приближаясь к собственной кульминации, и всякая жизнь заканчивалась вопреки своей вечности, и любовь умирала, несмотря на приписываемое ей бессмертие.

Я уже довольно давно не видела в мужчинах ощутимой разницы, и если, как мне казалось, эта разница и существовала, то ощущалась она единственно пиздой, а никак не сердцем. Мое сердце было пустыней и змеей, притаившейся в ее сладких песках, одновременно, — дни напролет я несла Дауду какую-то омерзительную похабщину, и он, разумеется, отвечал мне тем же. Мы созванивались, даже когда он был в офисе, и увлеченно обсуждали то, как Дауд подрочил с утра, стянув с меня одеяло, пока я пьяно спала, или как мы вчера провели время в койке.

Не зная ничего о действительном положении дел в моей кошмарной жизни, моя сестра, скрываясь от настигавших ее по всему миру счетов за телефоны, отели и парковку, рассудила, что эмират Дейра наиболее подходящее место для осуществления задуманных ею планов. Бессмысленно трахаясь всю свою жизнь с какими-то непристойными людьми,

не окончив даже школу, моя сестра обокрала болгарина, с которым последнее время жила, и, издевательски прикрываясь the business invitation¹, прибыла в Дейру.

В тот день я, как всегда, нажиралась с утра и совершенно не предполагала, что кому-то придет в голову посетить продымленный съют, в котором мы похабствовали с Даудом. Моя сестра потом рассказывала мне, что степень ее финансового отчаяния была настолько велика, что она даже решилась участвовать в конкурсе, устроенном какой-то гадиной и предполагавшем бег наперегонки по пустыне в водолазных костюмах сороковых годов. Ее остановила лишь извечная лень и осознание факта собственной вопиющей неспортивности. Мысли о стыде и вечно сопутствующем ему позоре уже давно покинули нравственную келью моей сестры — впрочем, о себе я могла сказать то же самое.

И вот в то роковое утро, когда я одиноко пьянствовала в съюте и, подходя время от времени к окну, смотрела на редкие машины, которые ползли под иглом полуденного зноя, как разноцветные черепахи, моя сестра успешно приземлилась в аэропорту Дубая и судорожно копалась в своей сумке, надеясь найти бумажку с моим адресом в Дейре. Надо сказать, что в те времена я вспоминала Россию чаще, чем когда-либо в своей чудовищной жизни. Постоянно освежая стакан с виски и названивая в room service с требованием принести льда, я думала о мужчинах, с которыми у меня ни хрена не получилось, о моих

¹ Деловое приглашение (англ.).

подругах, с которыми мы когда-то всерьез надеялись выйти замуж и завести детей, о маме и папе, решительно выдворивших меня из своей истерзанной памяти. Я скучала по моей сестре, даже точно не зная, в какой точке этого гребаного земного шара она сейчас находится.

Последний раз я видела ее три года назад. Мы сидели в баре «Пони-гей» в Санкт-Петербурге, и она, бесконечно куря и накачиваясь дешевым пивом, рассказывала мне о каких-то неграх из города Бамбундия (страны, где находился этот славный город, я не запомнила), с которыми она переписывалась по Интернету.

— Самый перспективный из них всех — это Макакис, — сказала она со смехом, — остальные, как они пишут, не имеют работы и танцуют рок-н-ролл на песке. — Она вздохнула. — У Макакиса лишь один недостаток, но серьезный — он подорвался на противопехотной мине и не имеет ног.

— Зачем тебе это надо? — спросила я (моя сестра рассказала мне, что Макакис ездит на каталке по тростниковой плантации и ловко подрезает тростники под корень). — Ты что, хочешь собирать сахарный тростник, помогая Макакису?

— Ты права, — согласилась она, — еще не хватало, чтобы под конец жизни меня хлестали кнутами какие-то долбаные ниггеры.

Так и не посетив Бамбундию, моя сестра отправилась в Лондон, где какое-то время очень успешно подпольно торговала алкоголем, привезенным из французского порта через Ла-Манш. Мы созванивались, и на мой вопрос, хороша ли жизнь в Лондоне,

она всегда отвечала: «Знаешь, хуже, чем в России, мне не было нигде».

Когда в дверь позвонили, я мысленно предположила, что Дауда наконец выгнали с работы, и, слегка покачиваясь, пошла открывать. На пороге стояла моя сестра, одетая в китайский розовый костюм, который был ей мал; в руках она держала пакеты с аналогичными вещами, из чего я сделала вывод о гипертрофированной нищете, не позволившей ей даже приобрести чемодан.

— Как ты меня нашла? — спросила я.

— Ты знаешь, — моя сестра вошла в съют и с любопытством разглядывала обстановку, — за последнее время я настолько охуела, что нашла бы, наверное, даже Яшара (она имела в виду курда-наркоторговца, с которым я сожительствовала в Турции).

Я засмеялась, а она спросила, есть ли у меня что-нибудь поесть.

Мы заказали еду из ливанского ресторана, и моя сестра, не евшая, судя по всему, больше суток, рассказала, как познакомилась в Софии с какими-то румынами, которые в финале этого знакомства затащили ее в подвал и насиловали два дня.

— Это был ад, — говорила она с набитым ртом, — они меня трахали, и еще десять человек на это смотрели. Заставляли три часа стоять раком и служить им столом, конечно, тушили об меня сигареты, но знаешь, — она закурила, как бы демонстрируя этим, что румынам не удалось ее сломить, — я считаю, в таких случаях лучше просто молчать. Ты спишь с каким-то арабом? — спросила она потом.

— А с кем я могу спать, живя здесь? — искренне удивилась я.

— У меня в Англии был один араб, — моя сестра располагала бессчетным количеством вариативных историй, которые роднила лишь их исключительная непристойность, — Салем — очень красивый.

За время жизни с Даудом я настолько свыкла с вербальными мерзостями, что в какой-то момент утратила веру в то, что люди могут говорить о чем-то другом, кроме секса и различных его последствий. Заметив, что я с удовольствием внимаю очередной похабщине, моя сестра приободрилась и продолжила свой рассказ, закончившийся тем, что она изменила Салему с негром и он, застукав их («Негр, разумеется, сразу убежал», — сказала моя сестра), хлестал ее ремнем в течение часа, потом разбил ей челюсть, а после этого ушел и вызвал «скорую».

— Так что слава богу, — сказала она. — Знаешь, с тех пор я не люблю сложные замки. Лучше, когда дверь открывается просто и наружу. Если бы у Салема была такая дверь, я бы, конечно, убежала, а так — вот что вышло.

— Что ты собираешься делать в Дейре? — спросила я, когда мы сожрали все, что принесли из ресторана, и сидели в dinings¹ за новой бутылкой виски.

— Найди мне богатого мужика, — ответила моя сестра, очевидно пытаясь до поры скрыть от меня свои планы.

Я задумалась о том, кто из наших общих с Даудом знакомых может гипотетически клюнуть на

¹ Столовая (англ.).